

Сергей Селютин

Пропущенная глава

1

Хотя я всегда утверждал – и продолжаю утверждать – что нет ничего проще писательства, многие начинающие авторы со мной не соглашаются. Обычно молодые писатели жалуются на трудности в подборе верного слова, на проблемы в поиске оригинального сюжета, на мучительную необходимость изыскания особого неповторимого стиля. И вот что я говорю своим юным друзьям, когда они в очередной двухмиллионный раз канючат о собственной творческой бесплодности: «Все это чушь! Писать можно о чем угодно и как угодно – главное, писать».

2

Когда мне было четырнадцать лет, передо мной стояли три важнейших жизненных вопроса: «Чем именно занимаются взрослые в спальнях, когда они там одни?» (или – в более практической формулировке – «Как залезть в трусики Марты Уотсон?»), «Где найти денег, чтобы пойти в кино в субботу?» (естественно, с Мартой Уотсон) и «Какой банк лучше ограбить, чтобы купить себе электрическую пишущую машинку?». Писательство помогло мне решить все три – и вот как.

Мы с братом Дейвом любили листать эротические журналы в лавке старого Эйба Коди, которая находилась в двух кварталах от нашего дома. Когда тебе четырнадцать, ты, естественно, не можешь в открытую снять со стеллажа глянцевого журнала, раскрыть его на виду у остальных покупателей и приняться внимательно разглядывать анатомические подробности порнозвезд, дабы потом было что вспомнить в компании мадам Ладони. Конечно же, мы делали вид, что подыскиваем детектив поинтересней или прикидываем, что выгодней купить – бейсбольную битку за пять долларов или ти-больную за три. Когда (о редкие мгновенья счастья!) в лавке совсем никого не было, а Эйб отвлекался на подсчет выручки или на то, чтобы внести в толстую бухгалтерскую книгу какие-то записи, один из нас становился в проходе, прикрывая брата, пока тот дрожащими от возбуждения руками тянул с проволочного держателя свежий номер «Вакханалии плоти» или «Гнезда распутства». Об опасности быть пойманным – например, когда Эйбу надоедали дебет и кредит, и он собирался помочь нам сделать окончательный выбор – купить что-то или убраться на улицу – мы предупреждали друг друга насвистывая старый добрый рок-н-рольный хит «Луи, Луи». До сих пор, когда я слышу эту мелодию, я не могу удержаться от смеха, невольно вспоминая одуревшее красное лицо Дэйва с глазами навывкате. Хотя вряд ли выражение моей физиономии было хоть чуточку интеллигентней.

Один из таких крестовых походов за Откровениями Девушек Без Бикини завершился банальной уголовщиной – не в силах расстаться с рыженькой красоткой, я украл журнал. Засунул его под резинку шортов, прикрыл сверху футболкой (вуаля!) и опрометью выбежал из лавки, пока Эйб расставлял пирамидой банки с консервированными бобами. Думаю, не стоит даже говорить о том, что весь прошедший с момента моего грехопадения год я боялся даже близко подойти к месту преступления.

Запершись в подвале, мы с Дейвом внимательнейшим образом изучили все страницы журнала. Еще больше картинок, меня – наверное, это можно списать на мою особую любовь к печатному тексту – потрясли многочисленные рассказы из серии «Как-и-где-у-нас-с-ней(ним, ними)-ЭТО-было». Передо мной словно раскрылась целая вселенная, совершенно новый мир, абсолютно неисследованный и манящий. И (а как иначе!) я немедленно решил, что больше всего на свете хочу писать рассказы про ЭТО не хуже, чем те, что печатались в «Разврате и похоти».

Это оказалось куда проще, чем представлялось вначале. Во-первых все похабные рассказы на деле строились по одному шаблону – кто-то куда-то шел, знакомился в этом где-то с кем-то, вместе они направлялись еще в одно место, где «неистово», «страстно» и «пылко» предавались «огню страсти» или «прелестям любви». (Надеюсь, теперь вы понимаете, почему я так не люблю наречия – не дают покоя воспоминания о собственном дурном вкусе.) В общем, прочитав журнал от корки до корки десятков раз и выучив наизусть все скабрёзности, что там печатались, я без труда изваял на старом «Ундервуде» с западающей буквой «уай» – еще один привет нелюбимой части речи – собственный Эротический Шедевр длиной в две тысячи слов. Прочитав рассказ, Дейв немедленно признал во мне будущего автора

бестселлеров и дал совет, как заработать денег. Благо разумно разделив функции писателя и литературного агента, я перепечатал свою бесстыдную фантазию (внеся несколько правок, призванных добавить жару) в пяти экземплярах и продал всю партию за два с половиной доллара старшекласнику Тоду Дьюку. Об истинном авторе рассказа я стыдливо умолчал, сказав, что мне прислал его друг из Аризоны, с которым я познакомился в лагере бойскаутов.

Без ложной скромности могу отметить, что рассказ имел успех. Через два дня после нашей первой сделки Дьюк подошел ко мне и спросил, не присылали ли мне из Аризоны еще какой-то литературы. – Поищу, - ответил я и в тот же вечер настучал еще рассказ. А через неделю – еще один.

Результатом трех месяцев профессиональной писательской практики стала подержанная итальянская пишмашинка «Оливетти». Трудно передать ощущения легкости, которое испытываешь, когда легчайшие прикосновения подушечек пальцев к клавишам рожают на бумаге слова и строки. (Освобождение от необходимости возвращать на место каретку в конце строки достойно отдельной оды.) И нам с Мартой всегда было за что пойти в кино на «Возвращение чудовища из черной лагуны».

3

Отложив мораль на следующую подглаву, расскажу вам еще один эпизод моей биографии. К моменту, когда мне исполнилось восемнадцать, я успел прочитать (и не раз) все, что написали Дэшилл Хемметт и Рэймонд Чандлер. В то время я просто бредил крутым детективом и твердо знал: лучше «Высокого окна» может быть только «Мальтийский сокол», а «Стеклянный ключ» уступает лишь «Леди в озере». К моему огромному сожалению, оба автора написали не так, чтобы очень много (надеюсь, вы теперь понимаете причину моего негодования по поводу писателей-ленивцев). Можно конечно было перебиваться Россом Макдональдом, но его книжки казались мне тогда уж больно жидкими, лишенными подлинной яркости характеров и остроты сцен (может быть, причина в том, что он решил хоть немного отойти от стандартов жанра? В то время я об этом не задумывался). И вот, чтобы развлечься и доказать, что я могу писать если не лучше, то, по крайней мере, так же как мастера, я засел за создание приключенческой повести о Сэме Спэйде и Филиппе Марлоу. Сама повесть, к сожалению, канула в Лету (позже подобную участь чуть было не разделила «Кэрри»). Помнится, там были две параллельные сюжетные линии: расследование Марлоу вело на север, дело Спэйда заставило детектива ехать на юг, к концу повести оба сыщика встречались на середине шоссе, соединявшего Лос-Анджелес и Сан-Франциско. Моим домашним повесть понравилась, хотя особых восторгов, пожалуй, я от них так и не услышал. От доработок текста меня тогда отвлекла подготовка к выпускным экзаменам, а, с поступлением в колледж, я совсем забыл о добрых старых Сэме и Филиппе. Сейчас о том моем опыте напоминает только рассказ «Последнее дело Амни» - да еще пар тройка других вещей.

4

К чему я все это рассказал? Чтобы на своем примере в тысячный раз проиллюстрировать старую, хорошо известную всем профессиональным писателям истину: всегда можно найти тему для рассказа и нет ничего проще, чем сесть за текстовый процессор и начать писать.

Проблема молодых авторов зачастую состоит в том, что они с первых букв нового рассказа надеются на признание и успех, первыми же строками стремятся превзойти Хемингуэя и Конрада. Писатели же состоявшиеся не боятся признаний в том, что в свое время они писали откровенную чушь (вряд ли можно найти хоть один текст во Вселенной, который не содержал бы штампов и банальностей больше, чем мои эротические описания). Зрелый автор может позволить себе откровенно сказать: - Было время, когда я сознательно подражал кумиру, и в моих текстах не было ни одной оригинальной запятой.

Мои ранние вещи были написаны лишь потому, что я не мог их не создать, потому, что у меня буквально чесались пальцы и дергались бицепсы от одной только мысли о том, чтобы сесть за машинку. Были ли они хорошими – естественно, нет, был ли от их написания толк – конечно, да. У каждого из вас есть великий дар наблюдения, нужно лишь дать ему волю. Приступая к работе, не рассчитывайте на успех, не стремитесь к неповторимости. Если этому суждено сбыться – у вас будет и успех, и собственный стиль. Если нет – думаю, ваших друзей в любом случае порадует написанное вами продолжение «Гарри Поттера» или «Алисы в стране чудес».

Пишите – и гоните прочь мысли о «высокой» и «низкой» литературе. Вместо этого расскажите миру, что вы любите, а что – нет, кто ваш любимый герой, о чем вы мечтаете, чего боитесь. Не пишите лишь об одном – о том, к чему вы равнодушны.

Итак, повторим тезис еще раз, чтобы закончить главу и перейти к следующей.

«Нет ничего проще, чем писать книги. Пишите о том, что вас волнует – и все у вас получится».

5

Соврал

6

Соврал ведь

Лжец вонючий душит деток! Ничего проще, ничего проще! Болтун.
Хоть раз скажи правду! Хотя бы себе! Тряпка и размазня!

7

Правду?
Правду??

8

Ладно. Чуток поиграем в честность. «Делит» с клавиатуры еще никто не убирал.

9

Истина, как справедливо говорили римляне, заключена в вине. Не то, чтобы я писал плохо, отнюдь... Но если бы я следовал совету, который только что дал своим наивным и доверчивым читателям, то никогда не поднялся бы выше уровня безвестного бумагомараки, радующего жену страницей-другой свежеотпечатанной чепухи. Всем моим ранним вещам не доставало живости, искренности, проникновенности. Мои герои неизменно были плоскими картонными куклами, лишенными каких-либо намеков на характер и объем. Я не терял надежды, говорил себе, что если написать еще пару рассказов, то ситуация изменится, что проблема состоит в недостаточной проработке техники письма, при этом отлично сознавая, что никаких надежд на вступление в клуб Настоящих Писателей у меня нет.

Мне помогло виски. Алкоголь позволял мне преодолеть неуверенность и зажатость, давал смелость и глубину. За примерами далеко ходить не надо – первые две страницы дебютного романа «Кэрри», где я так тщательно выписываю то, о чем обычно молчат, красноречиво свидетельствуют о моем состоянии во время работы над книгой. Начало «Кэрри» шокирует – но, вместе с тем, и увлекает. Вот на какие чудеса способна блаженная, огненная, жаркая выпивка! Два стаканчика до, два – во время, и очередная пара тысяч слов нового бестселлера впечатана в режущую взгляд белизну бумаги высшего сорта.

Впрочем, благодарность одному лишь виски была бы неуважением к Его Королевскому Высочеству кокаину. Он помогал мне в *самых* сложных ситуациях, вроде той, когда я не мог окончить «Противостояние». Прилив сил, обострение внимания, невероятная быстрота мышления – может ли настоящий писатель обойтись без них? Малюсенькая щепотка порошка – и мои мечты не ограничены ничем, любой, даже самый сложный и запутанный сюжет стремится к кульминации, дабы разрешиться, к восторгу постоянных читателей, на двух последних страницах романа.

Просыпаясь с утра разбитым, с головной болью, вонью изо всех пор тела, с мыслями о необходимости садиться на долбаный мотоцикл и ехать в ближайший магазинчик за пивом (потому что невозможно лечь спать, пока в доме еще остается спиртное), или же сидя на унитазе, мучась поносными коликами в кишечнике (могу поспорить, что последняя вещь, о которой кокаиновые дилеры расскажут своим клиентам – это неизбежное расстройство пищеварения), или прижимая к ноздрям очередной «клинэкс» на встрече с издателем, когда, трижды мать его растак, никак не удавалось остановить носовое кровотечение – я, тем не менее, знал, что я – самый настоящий гений. Нет никого лучше меня! Пусть я разваливаюсь на части, пусть гнию заживо – но я, черт побери, король!

Порой, мне даже думалось, что мои книги состоят из кусков моей собственной плоти, и писательство – настоящее писательство – есть не что иное, как медленное принесение в жертву самого себя. Того, кто пойдет на этом пути дальше других, будут помнить в веках. Тот, кто будет беречь себя, обречен на забвение уже через несколько лет после смерти.

Чем все кончилось? Я уже писал о том, как Табита высыпала передо мной выпитые банки пива и опустошенные бутылки. Чтобы не потерять жену (безошибочный внутренний голос говорил мне, что без ее заботы и ухода я не протяну и десяти месяцев), мне пришлось завязать с алкоголем и стимуляторами – для того, чтобы из пламенного ада перенестись в ад ледяной. Где холодно настолько, что всякая мысль замирает, а слова становятся деревянными и неуклюжими.

Вдохновение исчезло. Испарилось. Вместо пулеметного стрекота по клавишам «макинтоша» – тоскливый поиск верного слова. И, выбирая из десяти припомнившихся синонимов один более-менее верный, я отчетливо понимал, что настоящий – одиннадцатый – так и не пришел мне в голову. Я утратил способность рождать сюжеты буквально из ничего – вместо этого мне приходилось долго сидеть по утрам с раскрытым на коленях блокнотом, жевать ластик на конце карандаша и прикидывать, что еще можно заставить пережить моего двумерного и вялого главного героя. «Бессонница», «Мареновая роза» – этот список можно продолжать и продолжать. Фанаты, конечно, раскупали очередной тираж – секретари надежно защищали меня от потока разочарованных писем, но огонь появлявшийся в глазах редакторов при виде очередной моей рукописи, давно погас.

– Когда наконец-то найдется чистая душа, которая не побоится сказать, что королю уже пять лет как нечем прикрыть срам? – задавался я вопросом. Я был зол на самого себя за то, что поддался бабскому влиянию и не остался один в тот злополучный день жениного ультиматума – кто знает, возможно, будь я сам, мне удалось бы написать свою лучшую книгу, вспыхнуть в последний раз перед погружением во тьму?

Наконец, отчаянье достигло апогея. Решив поставить точку в затянувшейся агонии, я вышел прогуляться в лес. У меня в доме никогда не водилось пистолетов, но было охотничье ружье. Закинув его за спину (и неся в заплечном рюкзаке небольшую пилу – мне было противно жать на курок пальцем ноги), я шел и шел в глубину чащи, пытаюсь найти место, где меня наверняка никто бы не застал (летом леса Новой Англии просто кишат туристами). Не буду описывать, как я отпиливал от ствола лишнюю часть, как писал глупую и ненужную предсмертную записку. Упоминания достоин лишь выступающий из земли кусок металла, о который я стукнулся сапогом, когда примеривался, как бы половчее совместить свою голову с тем, что осталось от ружья.

(Вибрация)

Потеряв равновесие, первым делом я обматерил проклятую природу, которая мешает измотавшемуся человеку наконец-то обрести покой. После чего присмотрелся к торчащей из почвы железяке и ухватился за нее ладонью.

(Вибрация)

Вибрация
ВИБРАЦИЯ)

В ритмичной дрожи, мгновенно заполнившей мое тело, было все – сюжеты и герои, злодеи и жертвы, верные слова и незабвенные сцены. Индейская магия? Подарок небес? Дар сатаны? Значит ли это хоть что-нибудь в сравнении с заново обретенной способностью писать *хорошо*?

Я несся домой пулей, пытаюсь не забыть лавину идей, пронесшуюся у меня в мозгу. Думал только о том, что впервые за полдесяток лет смогу сесть за компьютер и по-настоящему плодотворно поработать. Потом устал и пошел шагом – все еще пребывая в мире грез и фантазий. И, конечно, не заметил едущий позади меня трейлер.

Сейчас я сижу в инвалидном кресле. На коленях у меня ноутбук. Моя левая нога загипсована, и я не могу передвигаться без костылей.

Чтобы отвлечься от боли, я пишу автобиографию, которую (по правде говоря, не слишком-то) пытаюсь замаскировать под учебник писательского мастерства. «Больше читайте и больше пишите», «Не бойтесь сокращать написанное (особенно, наречия)», «Посвящайте писательству все свободное время»,

«Пишите о том, что вас волнует – и все у вас получится» - вот, пожалуй, весь набор банальностей, который услышат от меня начинающие авторы.

Один-единственный настоящий совет я приберегу для себя: поезжайте (прихватив с собой лопату и кирку, чтобы начать раскопки) в леса штата Мэн и приступайте к поискам металлической штуковины, что высовывается из земли. Когда найдете – обхватите ее руками и прижмитесь к ней как можно сильнее. Ощутите идущую от нее вибрацию. Почувствуйте ее силу. Позвольте невероятной неземной энергии заполнить вас. И тогда без всяких лишних слов вы сможете понять, *как писать книги...*